
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

О.В. КОМШУКОВА*

МЫСЛИТ ЛИ СУД ПОЛИТИЧЕСКИ? ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИИ

Аннотация. Конституционный суд РФ – институт двойственной политико-правовой природы, однако допустимость политических мотивов суда при вынесении решений часто подвергается сомнению. Настоящая статья предлагает политологический анализ конкретного решения Конституционного суда России на предмет наличия политической мотивации в его правовом обосновании. Объектом исследования выбрано значимое для правовой и политической сферы постановление суда, которое закрепило право Конституционного суда РФ в определенных случаях разрешать неисполнение решений Европейского суда по правам человека, вынесенных против России. Анализ судебного акта проведен в рамках теории политического мышления Майкла Фридена. Последовательно тестируя выделенные Фриденом признаки политического мышления, автор статьи приходит к выводу о наличии политических мотивов при принятии постановления, что обусловлено особым статусом и ролью Конституционного суда в политической системе современной России. Принятие окончательного решения по вопросу о юридической силе международных правовых актов, выделение принципа государственного суверенитета в качестве приоритетного, демонстрация конфликта интересов между Российской Федерацией и Европейским судом по правам человека, стремление мобилизовать общественную поддержку принятого решения, наделение себя дополнительным правомочием принимать решение об исполнимости актов ЕСПЧ и реализация правовой политики – признаки политического мышления, позволяющие сделать вывод о политической мотивации Суда. В совокупности эти признаки подтверждают политическую природу Конституцион-

* **КомшукOVA Ольга Валерьевна**, аспирант Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: komshukova@gmail.com

ного суда России. Проведенный анализ демонстрирует, что теория политического мышления Майкла Фридена обладает достаточной степенью универсальности для применения к различным политическим концептам.

Ключевые слова: Майкл Фриден; политическое мышление; Конституционный суд России; политическая аргументация; аргументация судебных решений; Европейский суд по правам человека.

Для цитирования: Комшукова О.В. Мыслит ли суд политически? Опыт Конституционного суда России // Политическая наука. – 2019. – № 4. – С. 312–331. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>

Конституционный суд: судебный орган и политический институт

Конституционный суд – специфический судебный орган, который неизбежно апеллирует не только к источникам права, но и прочим аргументам (социальным, политическим, историческим, культурным) при вынесении решений, обеспечивая тем самым их социальное признание и легитимность. Председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин высказывался по этому вопросу: «...правовая политика не может строиться в отрыве от политики как таковой. Излишняя политизация юридической сферы категорически не нужна. Но полная деполитизация этой сферы категорически невозможна»¹.

Тем не менее допустимость обращения Конституционного суда РФ к политическим аргументам подвергается сомнению некоторыми специалистами по конституционному праву [см., например: Петров, 2014]. Это обусловлено прямым указанием закона² на то, что суд при вынесении решения связан правовыми аргументами. Однако строгое разделение аргументов суда на правовые и политические затруднительно. В то же время выявление природы конкретного аргумента представляется необходимым для понимания мотивов и воли Конституционного суда РФ. Анализом

¹Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. – 2010. – 29 октября. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (Дата посещения: 28.07.2019.)

²Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». Ст. 3. (далее – ФКЗ «О Конституционном суде РФ») // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (Дата посещения: 28.07.2019.)

политической природы конституционного суда и политической аргументацией занимается относительно новое для российской политической науки направление «юридической политологии» или «политологии судов» [см., например: Григорьев, 2012; Сунгуров, Семикова, 2017], большой вклад в этом направлении сделан правоведами, занимающимися анализом судебной аргументации с использованием методов лингвистики и риторики [см., например: Соболева, 2002; Соболева, 2009; Микиртурмов, 2015].

Цель настоящей работы – проверить тезис о *наличии* политической мотивации в решениях Конституционного суда РФ. Основной вопрос данной статьи – обладает ли конкретное судебное решение Конституционного суда такими характеристиками, чтобы мы могли считать его политически мотивированным? Для выяснения ответа на этот вопрос обратимся к теории политического мышления Майкла Фридена.

Теория политического мышления Майкла Фридена

Монография «Политическая теория политического мышления: анатомия практики» [Freeden, 2013] Майкла Фридена стала результатом его многолетней работы над различными политическими концептами. Фриден полагает, что любое политическое явление есть совокупность компонентов, которые могут существовать как отдельно, так и одновременно, как в контексте, так и совершенно свободно – вне контекста [Freeden, 1996, p. 45–47; Freeden, 2013, p. 19, 24]. Специфика методологии Фридена позволяет «использовать (ее) для анализа политических концептов в различных текстах политического дискурса» [Гузикова, 2016, с. 32].

Главным признаком политического мышления является не его предмет, а характер и способ рассуждений, построение аргументов. Политические концепты всегда находятся в политическом дискурсе, окружены контекстом, который является продуктом политического мышления. Политическое мышление также включено в общий дискурс, имеющий и другие измерения – культурологическое, антропологическое, психологическое и т.д. При этом необязательно, чтобы субъект мышления сознательно определял свое мышление как политическое или придавал своим рассуждениям политический характер намеренно. Вне политического дискурса

практика мыслить политически также имеет место, но ее требуется обнаружить.

«Политическое» явление как таковое определяют следующие характерные признаки: 1) присвоение права окончательного принятия решений; 2) распределение материальных и символических ценностей в обществе; 3) стимулирование общественной поддержки; 4) организация социальных структур и институтов, посредством которых поддерживается социальная стабильность или, напротив, провоцируются конфликты; 5) разработка политических мер и выбор вариантов действий; 6) собственно способность и возможность отправления власти, объединяющая предыдущие характеристики, и аккумулирующее важное свойство – обладание властью [Freeden, 2013, p. 34].

Выявление этих характеристик в действиях конкретных субъектов (акторов) имеет важное значение для определения таких действий как политических. Представляется, что указанная концептуальная схема может быть применена для анализа конкретного решения Конституционного суда РФ.

Анализ решения Конституционного суда РФ в рамках теории Майкла Фридена

Теория политического мышления Майкла Фридена имеет ряд преимуществ для применения к решениям Конституционного суда России. Во-первых, она позволяет делать выводы о политических мотивах суда на основе анализа текстов – судебного решения и публикаций Председателя Конституционного суда в прессе. Во-вторых, любое решение есть продукт, формальное отражение ранее проведенного анализа, обобщение целого ряда позиций, практик, мнений, отношений субъекта к предмету решения [Freeden, 2013, p. 23]. Выводы могут быть сделаны не только и не столько об аргументах конкретного решения, но и об общих мыслительных «схемах» и подходах Суда к аргументации. В-третьих, несмотря на то что политическое мышление может быть неосознанным, предположим, что Конституционный суд России как орган, состоящий из профессиональных судей, при выстраивании аргументов проводит оценку своих доводов, целенаправленно уделяет внимание их содержанию и формулировкам, и, во всяком

случае, осознает правовой или политический характер своих аргументов. Поэтому далее условно приравняем признаки политического мышления к признакам политической мотивации, полагая, что наличие таких признаков – это намеренное выражение имеющихся у Суда мотивов принятия решения. В-четвертых, применяемая концепция позволяет удержать исследовательский фокус не на предмете судебного дела, а на качественных характеристиках аргументов Суда. Предмет обсуждения в Конституционном суде РФ – это вопросы Конституции РФ, т.е. «о политике». Мотивы же принятия решения могут быть чисто правовыми, а могут быть обусловлены политическими соображениями. Это особенно заметно в «резонансных» решениях, принятых по острым для политической жизни России вопросам.

Среди них – Постановление № 21-П от 14.07.2015 г.¹ (далее – Постановление), которое обосновало возможность не исполнять решения ЕСПЧ, если они противоречат Конституции РФ. Право решать вопрос «исполнимости» решения ЕСПЧ Конституционный суд РФ оставил за собой.

В условиях осложнения международных отношений России с европейскими государствами, санкционного кризиса, при активном обсуждении возможности выхода России из Совета Европы исследование мотивов Конституционного суда России при вынесении Постановления имеет особое значение для понимания российской публичной политики и места Конституционного суда в ее реализации.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» (далее – Постановление от 14.07.2015 № 21-П) // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/ (Дата посещения: 28.08.2019.)

Общий контекст принятия Постановления и предыстория вопроса

В 1996 г. Россия присоединилась к Совету Европы, в 1998 г. ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод¹ (далее также – ЕКПЧ, Европейская конвенция, Конвенция). Эти события повысили авторитет государства на международной арене и стали необходимым символом общности его взглядов с демократическими странами.

В это время Конституционный суд РФ декларировал неотъемлемую роль Конвенции в российской правовой системе и ориентацию государства на безусловное исполнение решений ЕСПЧ².

Ситуация изменилась в 2010 г. В решении по делу «Константин Маркин против России»³ ЕСПЧ назвал определение Конституционного суда⁴ противоречащим Европейской конвенции и нарушающим права и свободы человека и гражданина. В критикуемом определении Конституционный суд РФ высказался о невозможности предоставления отпуска по уходу за детьми мужчи-

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3. – С. 3–44.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой Открытого акционерного общества “Разрез “Изыкский”» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32697/ (Дата посещения: 28.08.2019.)

³ The European Court of Human Rights. Application no. 30078/06, Konstantin Markin v. Russia, Judgment. – 2010. – October. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-100926> (Accessed: 29.07.2019.)

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона “О государственных пособиях гражданам, имеющим детей”, статей 10 и 11 Федерального закона “О статусе военнослужащих”, статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей” // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87365/ (Дата посещения: 28.08.2019.)

не-военнослужащему, обязанному исполнять «долг по защите Отечества». ЕСПЧ всегда активно выносил решения против России, однако ранее не давал в своих решениях негативных оценок правовым позициям Конституционного суда РФ. Это дело обозначило начало конфликта между ЕСПЧ и Конституционным судом России.

Позднее были вынесены и другие «неприятные» для России как ответчика решения. Например, первое решение по ЮКОСу, в котором ЕСПЧ усмотрел нарушения в процедуре и характере преследования за налоговые правонарушения в отношении руководства и акционеров компании¹.

С весны 2014 г. резко обострилась международная обстановка вокруг России, была начата «крымская санкционная кампания». В июле 2014 г. ЕСПЧ вынес знаковое решение по «делу ЮКОСа», которым обязал Россию выплатить акционерам ЮКОСа 1 млрд 866 млн евро².

В этих условиях было принято рассматриваемое нами Постановление от 14.07.2015 г., допустившее возможность в исключительных случаях не исполнять решения ЕСПЧ. Уже 14 декабря 2015 г. позиция Конституционного суда РФ была закреплена законодательно – поправки в ФКЗ «О Конституционном суде РФ» ввели новый вид судопроизводства по пересмотру решений ЕСПЧ³.

Этот порядок был применен Судом в апреле 2016 г. при оценке исполнимости решения ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России», в котором ЕСПЧ признал незаконным лишение активного избирательного права российских осужденных⁴. Второе

¹ The European Court of Human Rights. Application no. 14902/04, OAO NEFTYANAYA KOMPANIYA YUKOS v. RUSSIA. Judgment. – 2011. – September. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-106308> (Accessed: 28.07.2019.)

² The European Court of Human Rights. Application no. 14902/04, OAO NEFTYANAYA KOMPANIYA YUKOS v. RUSSIA, Judgment. – 2014. – July. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145730> (Accessed: 28.07.2019.)

³ Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации”» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190427/ (Дата посещения: 28.08.2019.)

⁴ The European Court of Human Rights. Applications no. 11157/04 and 15162/05, Anchugov and Gladkov v. Russia. – 2013. – July. – Mode of access: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260> (Accessed: 28.07.2019.)

дело, рассмотренное по этой процедуре, – оценка исполнимости решения ЕСПЧ от 31.07.2014 г. по делу ЮКОСа. Оба решения ЕСПЧ были ожидаемо признаны Конституционным судом не соответствующими Конституции РФ и не подлежащими исполнению¹.

Следовательно, не вызывает сомнений, что само по себе Постановление от 14.07.2015 г. принималось в конкретном политическом контексте и имело цель разрешить политическую задачу. Но насколько «политическими» были аргументы суда? Удастся ли нам найти признаки политического мышления при обосновании решения?

Для ответа на эти вопросы мы, изложив основное содержание постановления, последовательно проверим наличие в нем признаков политического мышления Майкла Фридена.

Фабула Постановления КС РФ от 14 июля 2015 г.

Инициативная группа депутатов Государственной думы обратилась в Конституционный суд в связи с «неопределенностью» относительно соответствия Конституции РФ процессуальных норм, которые закрепляют обязательность применения постановлений Европейского суда по правам человека, вынесенных в отношении России.

Конституционный суд РФ подтвердил «конституционность» оспариваемых норм, однако пришел к следующим выводам:

¹См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_197028/ (Дата посещения: 28.08.2019.); Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу “ОАО Нефтяная компания ‘ЮКОС’ против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Справочная система Консультант-Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=487998&dst=100001#09641152622325915> (Дата посещения: 28.08.2019.)

1) Конституция РФ имеет преимущественную юридическую силу по сравнению с нормами международного права, иначе это нарушало бы принцип государственного суверенитета РФ;

2) возможен отказ от исполнения решений Европейского суда по правам человека, если последнее противоречит Конституции РФ.

Признаки политического мышления в постановлении Конституционного суда РФ

Принятие окончательного решения: определение места решений ЕСПЧ в правовой системе России

В соответствии с теорией Фридена первый признак политического мышления – присвоение места окончательного принятия решений в пространстве и времени, включая определение, разделение и регулирование областей и границ компетенции в социальных сферах. В Постановлении он реализован через определение места решений ЕСПЧ в правовой системе России.

Основополагающее значение норм международного права в российской правовой системе закреплено в Конституции РФ: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»¹. Поскольку решения Европейского суда по правам человека приравниваются по статусу к нормам Конвенции о защите прав человека, в которой участвует Россия, то и решения ЕСПЧ, и Конвенция подлежат обязательному исполнению.

Однако соотношение юридической силы норм международного права и Конституции РФ в правовой системе России однозначно не определено. Конституционный суд РФ разрешил этот вопрос: даже являясь частью российской правовой системы, нормы международного договора в иерархии источников права не могут быть выше Конституции РФ. Согласно позиции суда, «Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возложенных на нее обязательств, когда такое отступление является един-

¹ Конституция РФ, ч. 4 ст. 15. (Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993.)

ственно возможным способом избежать нарушения... Конституции РФ» (Постановление, абз. 3 п. 2.2).

Вопрос об исполнимости решения ЕСПЧ и соответствия его Конституции РФ, а значит, его разрешение относится к исключительной компетенции Конституционного суда РФ (Конституция РФ, п. 5 ст. 125; ФКЗ О Конституционном суде РФ, ст. 3). Суд подчеркнул, что решение этого вопроса не может быть прерогативой иных органов государственной власти. Последние могут лишь обращаться с запросом в КС РФ, как только «приходят к выводу», что имеет место противоречие между постановлением ЕСПЧ и Конституцией РФ (Постановление, абз. 1 п. 5.3). После получения запроса «уполномоченных субъектов» Конституционный суд РФ вынесет решение о возможности исполнения постановления ЕСПЧ (Постановление, абз. 2 п. 5.3). Уже после принятия Постановления круг таких субъектов был закреплен как «федеральные государственные органы, на которые возложена обязанность... принимать меры по исполнению решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» (ФКЗ О Конституционном суде РФ, ст. 104.1). Тем самым Конституционный суд определил и расширил собственные полномочия, предусмотрев среди них право решать вопрос об исполнимости решения ЕСПЧ, а также наделил дополнительными полномочиями органы исполнительной власти – правом ставить под сомнение решения ЕСПЧ и поднимать этот вопрос перед КС РФ.

В заключение Суд указывает: «Конституционный суд РФ готов к поиску правомерного компромисса для поддержания этой системы (европейской защиты прав человека. – *Прим. авт.*), но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации» (Постановление, абз. 5 п. 6). Тем самым суд обозначил свой «предел уступчивости» во взаимоотношениях с ЕСПЧ, о необходимости ограничения которого писал еще в 2010 г. Председатель Конституционного суда РФ в одноименной публикации¹.

¹Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. – 2010. – 29 октября. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (Дата посещения: 28.07.2019.)

Таким образом, КС РФ собственным решением осуществил расстановку ролей всех участников (акторов) этой ситуации: а) урегулировал правоотношения; б) установил границы собственной компетенции и компетенцию других органов власти; в) оставил за собой право принимать решения в сфере исполнимости решений ЕСПЧ на территории РФ в будущем.

***Установление приоритета ценностей –
государственный суверенитет
как основной принцип Конституции РФ***

Следующим признаком, определяющим политическое мышление по Фридену, является распределение значимости социальных целей, принципов, процессов в порядке важности или срочности. Этот компонент выявляется в Постановлении в виде установления принципа суверенитета Российской Федерации в качестве приоритетного в системе ценностей.

Суд определил, что участие России в международных договорах «не означает ее отказ от государственного суверенитета (...) предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, а также (являющегося. – *Прим. авт.*) необходимым качественным признаком Российской Федерации» (Постановление, абз. 3 п. 2.2). Также суд напоминает, что «принцип суверенного равенства и уважения прав, присущих суверенитету, а также принцип невмешательства во внутренние дела государства» относится к числу императивных (обязательных) норм международного права (Постановление, абз. 3 п. 3).

Суд оговаривает, что статья 2 Конституции РФ закрепляет человека, его права и свободы как высшую ценность государства» (Постановление, абз. 1 п. 4) и основана на тех же базовых ценностях защиты прав и свобод человека и гражданина, что и Конвенция (Постановление, абз. 2 п. 4). С учетом этих доводов Конвенция должна быть дополнительным механизмом обеспечения защиты прав человека, а не угрозой государственному суверенитету. Тем не менее верховенство Конституции РФ, суверенность России, имеют приоритетное значение по сравнению с положениями Конвенции.

Сходным образом рассуждает Председатель КС РФ в своих публикациях, которые, несомненно, поясняют официальную пози-

цию Суда. Например, в октябре 2015 г. в «Российской газете» Валерий Зорькин еще раз предупредил, что существуют «опасности, связанные с вторжением ЕСПЧ в сферу действия государственного суверенитета, в основе которого лежит принцип народного суверенитета»¹.

Таким образом, Конституционный суд установил приоритетное значение принципа государственного суверенитета, одним из проявлений которого является верховенство Конституции и независимость судебной власти, в иерархии ценностей, установленных главным законом страны.

Выявление и разрешение конфликта между ЕСПЧ и Россией

Сразу два признака политического мышления Фридена связаны с разрешением конфликтных для общества ситуаций. Политическое мышление выявляют попытки принимать, оправдывать, критиковать и отвергать коллективные организации, а также излагать некие договоренности для групп – участников конфликтов. Одной из предпосылок вынесения Постановления выступил наметившийся «конфликт» между ЕСПЧ и Конституционным судом РФ. О фактическом наличии конфликта свидетельствует не только контекст принятия решения, но и прямые упоминания об этом Суда по тексту Постановления.

Так, Суд демонстрирует в Постановлении, что наличие конфликта между национальным судом и ЕСПЧ – явление «нормальное» и распространенное. Он приводит примеры дел, рассмотренных органами конституционного правосудия иностранных государств, доказывая, что и другие государства принимают решения, которые расходятся с позицией ЕСПЧ², а последний не всегда безупречен в своих решениях. Однако приведенные в тексте Постановления решения иностранных судов были вынесены по кон-

¹ Зорькин В. Россия и Страсбург. Проблемы реализации Конвенции о правах человека. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/10/21/zorkin.html> (Дата посещения: 28.08.2019.)

² В Постановлении имеются ссылки, например, на: Решение Верховного Суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Постановление Федерального Конституционного Суда Федеративной Республики Германии, Постановления Конституционного суда Итальянской Республики и др.

кретным делам, фабула и содержание которых далеки от вопроса, рассматриваемого в Постановлении. Единственным объединяющим их свойством является наличие несогласия национального суда с решением ЕСПЧ и отказ от исполнения решения в том виде, который международный суд изначально предписывал. Тем не менее все поименованные в Постановлении судебные органы устанавливали свой способ защиты и восстановления нарушенных прав заявителей. Ни в одном из приведенных дел предмет рассмотрения не был связан с возможностью не исполнять решения ЕСПЧ в принципе, все решения были приняты в рамках рассмотрения конкретного дела.

Продолжая обозначать конфликтность рассматриваемого им вопроса, суд ссылается на наличие дискуссий в международном правовом сообществе относительно статуса ЕСПЧ, в которых «ставится под сомнение легитимность ЕСПЧ», а сам институт европейской защиты прав человека называется «устаревшим» (Постановление, абз. 1 п. 6)¹.

В заключение суд делает вывод, что «наличие в практике Европейского суда по правам человека *проблем* (...) создает (...) *риск* возникновения ситуаций, когда ориентация на достаточно абстрактные нормы Конвенции может привести к *игнорированию воли конституционного законодателя* в международной правовой конструкции, не предполагающей передачи ей такого элемента государственного суверенитета» (Постановление, абз. 6 п. 6). Тем самым суд не только констатирует наличие проблем в практике ЕСПЧ, но и указывает на наличие риска угрозы суверенитету России, подчеркивает реальность *возможности* допущения нарушений со стороны ЕСПЧ.

Этим, предположительно, и обусловлено обращение заявителя в Конституционный суд РФ. Жалоба подана и принята к рассмотрению судом не в связи с конкретным делом. Суд выносил решение относительно *гипотетической возможности* нарушения решениями ЕСПЧ норм Конституции РФ. Хотя разбор обстоятельств дела не входит в его компетенцию, суд все же дал оценку конкретным решениям ЕСПЧ, в частности, по делу «Константин

¹ В абзаце 1 пункта 6 Постановления суд упоминает обсуждения на международных конференциях по праву, имевших место в Интерлакене (2010), Измире (2011) и Брайтоне (2012).

Маркин против России». Суд указывает на «конфликт толкований» между КС РФ и ЕСПЧ по этому делу (Постановление, абз. 7,8 п. 5.1). В качестве другого «характерного примера наиболее очевидного расхождения с положениями Конституции Российской Федерации» было приведено решение ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» (Постановление, абз. 9 п. 5.1).

В заключительной части постановления сделана оговорка: «Конституционный суд Российской Федерации (...) лишь в редчайших случаях считает возможным использовать “право на возражение” ради внесения своего вклада (вслед за коллегами из Австрии, Великобритании, Германии и Италии) в формирование сбалансированной практики Европейского суда по правам человека» (Постановление, абз. 4 п. 6). Суд поясняет, что несмотря на то что он противопоставляет себя ЕСПЧ, по «его сторону баррикад» находятся передовые национальные органы конституционного правосудия стран Европы. По-видимому, это замечание призвано смягчить эффект «противостояния» между ЕСПЧ и российским судом, который формируется по ходу повествования Постановления.

Таким образом, Суд констатирует в Постановлении наличие конфликта, участником которого он является и представляет аргументы в защиту своей позиции. Подробно объясняя причину противостояний, Суд находит «союзников» в лице органов конституционного правосудия иностранных государств и представителей юридического сообщества. Суд предлагает разделить свою точку зрения и любому лицу, к которому обращено Постановление, делая тем самым Постановление более широким по своему значению, «программным», «установочным» документом, вызывающим к поддержке. Последнюю мысль подтверждают публикации Председателя Конституционного суда РФ. В них Валерий Зорькин «приглашает» читателя противостоять внешним указаниям: «Если нам навязывают внешнее “дирижирование” правовой ситуацией в стране, (...) то таких “дирижеров” надо поправлять»¹. Безусловно, здесь, как и в Постановлении, позиция суда и его Председателя транслируется от имени и для всего Российского государства.

¹Зорькин В. Предел уступчивости // Российская газета. – 2010. – 29 октября. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/10/29/zorkin.html> (Дата посещения: 28.07.2019.)

Таким образом, суд в данном случае осуществляет «расстановку сил» в действующей конфликтной ситуации, приглашает к поддержке своей стороны. Он предлагает некую модель взаимодействия в сложных общественных международных отношениях. Согласно этой модели, несогласие с решениями ЕСПЧ допустимо в принципе, а контролировать и пресекать возможные девиации в отношении российской Конституции – обязанность Конституционного суда РФ. Поскольку известны факты таких девиаций со стороны ЕСПЧ, то обоснованным и справедливым будет вмешательство Конституционного суда РФ в действующий механизм исполнения решений ЕСПЧ с нейтрализацией негативных для России последствий. Суд выступает регулятором, организатором системы взаимоотношений Россия – ЕСПЧ, способным не только оценить возможные риски, но и предотвратить последующие конфликты, негативные последствия. Это обнаруживает не только признаки политического, по Майклу Фридону, но и свидетельствует о наличии конкретной *политики*, которую осуществляет Конституционный суд РФ.

Осуществление политики – принятие правового и политического решения по вопросу взаимодействия с ЕСПЧ

Политика, которую определяет Конституционный суд РФ по вопросу взаимодействия с органами международного правосудия, – это, по сути, управление общим процессом реализации отношений между Россией как участницей Европейской конвенции и ЕСПЧ как органа, чьи решения обязательны для России. Конституционный суд осуществляет «постановку» как общей идеи взаимодействия, так и конкретных задач по ее реализации. В Постановлении суд закрепил за собой роль *регулятора* этих взаимоотношений, фактически определяющего *волю и политику* государства по этому вопросу.

Действительно, Конституционный суд РФ в своем Постановлении разрабатывает и стратегию, и тактику взаимодействия с ЕСПЧ при наступлении «исключительных случаев». Суд обозначил принцип государственного суверенитета как основу, определяющую *стратегию* действий России в отношениях с ЕСПЧ. Суд установил тот самый «предел уступчивости», за которым скрыва-

ется непоколебимая позиция защиты государственных интересов. Определяя же конкретные организационные и процедурные меры, которые могут быть осуществлены в целях оценки исполнимости решений ЕСПЧ, он также определил *тактику* возможного поведения для органов государственной власти. Это прежде всего «указания» государственным органам исполнительной власти на должное поведение при наличии «собственного вывода о невозможности исполнения (...) решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» (Постановление, абз. 3 п. 1 резолютивной части; ФКЗ О Конституционном суде РФ, абз. 1 ст. 104.1). Единственным вариантом в этом случае должно стать обращение в Конституционный суд РФ за разрешением вопроса исполнимости конкретного решения ЕСПЧ. Наличие в Постановлении расширения компетенций Конституционного суда РФ и выявление нового типа судопроизводства стало сигналом к действию для законодательных органов власти в целях соблюдения необходимых «формальностей». Последнее выразилось в законодательном закреплении новых полномочий Конституционного суда РФ в главе XVIII. 1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека» ФКЗ «О Конституционном суде РФ».

Согласно теории Майкла Фридена, возможность определять политику по конкретным вопросам, давать обязательные к исполнению указания – важнейшие свойства политического явления, которые, несомненно, продемонстрировал Конституционный суд РФ в Постановлении.

Конституционный суд как орган власти

Согласно Фридону, все выразительные, риторические, языковые средства субъекта политического мышления в стремлении осуществлять власть реализуются в намерении принять окончательное решение по конкретному вопросу, расставить ценностные приоритеты, выразить собственную позицию, урегулировать конфликтную ситуацию, определить стратегию поведения и установить контроль над конкретной сферой общественных отношений.

Постановление Конституционного суда РФ и его подробное обоснование, таким образом, содержит в себе все основные при-

знаки политического мышления, которые выделил Майкл Фриден в своей теории. Суд разрешил вопрос о взаимодействии России и ЕСПЧ по исполнению постановлений ЕСПЧ. Он принял решение, закрепляющее за собой статус лица, принимающего от имени Российской Федерации окончательный вердикт по этому вопросу. Суд обозначил наличие конфликта в политических взаимоотношениях международного сообщества государств – участников Европейской конвенции. Он обозначил возможность занимать позицию, противоположную ЕСПЧ, более того – допускать неисполнение его решений. Суд установил для России приоритет государственного суверенитета среди других норм и принципов, гарантированных Конституцией РФ и международным правом. Он установил и предусмотрел механизм реализации процедуры оценки «исполнимости» решения ЕСПЧ. Тем самым орган конституционного правосудия реализовал свою организационную и административную функцию, дал руководство к действию органам других ветвей государственной власти – исполнительной и законодательной. Вся эта совокупность действий и полномочий, безусловно, не может быть охарактеризована исключительно в рамках правовой функции Конституционного суда, обозначенной в формуле: «Конституционный суд решает исключительно вопросы права» (ФКЗ О Конституционном суде РФ, ст. 3). Очевидно, что, являясь институтом государственной власти и разрешая вопросы права, Суд реализует и внеправовые полномочия. Он обладает конкретно политическими полномочиями, властью принимать решения *не только* по вопросам права. Майкл Фриден определяет это свойство как «обладание властью», называя его ключевым качеством для определения политического мышления. По сути, это обладание заключается в совокупности всех прочих черт, которые выявляют политическое мышление и любое другое политическое явление, в нашем случае – институт конституционного правосудия.

Заключение

Теория Майкла Фридена, являясь результатом его работы над концептом идеологии, была заявлена им в качестве универсальной для прочих политических концептов. Ее апробация в настоящей статье применительно к специфическому судебному ре-

шению – Постановлению Конституционного суда РФ, подтверждает справедливость этого заявления. Выявление совокупности черт политического мышления в ходе последовательного анализа судебного постановления позволяет обнаружить признаки политического в этом правовом документе. Учитывая наличие дискуссии о возможности выхода судебной аргументации за пределы права, можно сказать, что эта находка имеет важное доказательственное значение. Проведенный анализ позволяет убедиться в том, что, решая вопросы права, Конституционный суд РФ не только *вправе* решать, но *неизбежно* фактически *решает* политические вопросы. Представляется, что это обусловлено смешанной природой этого политико-правового института и характерно для любых элементов политической системы, каким, несомненно, является Конституционный суд. Дальнейшее применение теории Майкла Фридена способно внести некоторый вклад в работу по исследованию политической составляющей в деятельности Конституционного суда РФ, продолжая развитие относительно нового для российской политической науки направления юридической политологии и политологии судов.

Список литературы

- Григорьев И.С. Политология судов: предмет и исследовательская программа // Политическая наука. – 2012. – № 3. – С. 258–275.
- Гузикова М.О. К анализу политических концептов: методология Майкла Фридена // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – № 4. – С. 27–32.
- Микиртумов И.Б. Аргументация и легитимность: дело Маркина // РАЦИО. гл. – 2015. – № 15. – С. 97–133.
- Петров А.А. Правовое качество решений Конституционного суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 2. – С. 95–110.
- Соболева А.К. Топическая юриспруденция. – М.: Добросвет, 2002. – 225 с.
- Соболева А. Ценностные ориентиры судебного решения: Валерий Дмитриевич Зорькин против Тамары Георгиевны Моршачковой // Новая юстиция. – 2009. – № 1. – С. 5–17.
- Сунгуров А.Ю., Семикова А.Е. Юридическая политология, или Политология права: эскиз исследовательского поля // Общественные науки и современность. – 2017. – № 5. – С. 83–93.
- Freeden M. The political theory of political thinking: the anatomy of a practice / M. Freedен. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 2013. – 345 p.

Freeden M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. – 592 p.

O.V. Komshukova*
Does the court think politically?
Experience of the Constitutional Court of Russia

Abstract. The Constitutional Court of the Russian Federation is an institution of a dual political and legal nature, but the existence and admissibility of the political motives in the Court's decisions are often questioned. This article offers a political analysis of a concrete judicial act – the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation for the existence of political motivation in its legal justification. As an object of the analysis was chosen the Resolution meaningful for the legal and political sphere, which enshrines the right of the Constitutional Court of the Russian Federation in certain cases to allow non-execution of decisions of the European Court of Human Rights made against Russia. The analysis of the judicial act was carried out within the framework of Michael Freeden's theory of political thinking. Consistently testing the signs of political thinking highlighted by Freeden, the author comes to the conclusion that there are political motives in adopting the Resolution, which is due to the special status and role of the Constitutional Court in the political system of modern Russia. Making a final decision regarding the issue of the legal force of international legal acts, highlighting the principle of state sovereignty as a priority, demonstrating a conflict of interest between the Russian Federation and the European Court of Human Rights, striving to mobilize public support to the Resolution, empowering itself with an additional authority to decide on the enforceability of acts of the ECtHR and implementation of legal policy are signs of political thinking, which allow to make a conclusion about political motives of the Constitutional Court of Russia. Taken together, these features confirm the political nature of the Constitutional Court of Russia. The analysis shows that the theory of political thinking of Michael Freeden has a sufficient degree of universality to apply to different political concepts.

Keywords: Michael Freeden; political thinking theory; the Constitutional Court of Russia; political argumentation; argumentation of court's decisions; European Court of Human Rights.

For citation: Komshukova O.V. Does the court think politically? Experience of the Constitutional Court of Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 312–331. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2019.04.13>

* **Olga Komshukova**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), e-mail: komshukova@gmail.com

References

- Freeden M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Oxford univ. press, 1996, 592 p.
- Freeden M. *The political theory of political thinking: the anatomy of a practice/M. Freeden*. Oxford, New York: Oxford univ. press, 2013, 345 p.
- Grigoriev I.S. Political science of courts: subject and research program. *Political science (RU)*. 2012, N 3, P. 258–275. (In Russ.)
- Guzikova M.O. Towards the analysis of political concepts: M. Freeden's methodology. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series of «Humanities»*. 2016, N 4, P. 27–32. (In Russ.)
- Mikirtumov I.B. Argumentation and legitimacy: the Markin case. *RACIO.ru*. 2015, N 15, P. 97–133. (In Russ.)
- Petrov A. Legal quality of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: formulation of the questions and some practical issues. *Sravnitel'noe konstituzionoe obozrenie*. 2014, N 2, P. 95–110. (In Russ.)
- Soboleva A.K. *Topical jurisprudence*. Moscow: Dobrosvet, 2002, 225 p. (In Russ.)
- Soboleva A. Values of judgment: Valeriy Zorkin vs. Tamara Georgievna Morschakova. *New Justice*. 2009, N 1, P. 5–17. (In Russ.)
- Sungurov A. Yu., Semikova A. Ye. Legal political science or political science of law: the outline of research field. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. 2017, N 5, P. 83–93. (In Russ.)